

Пшибышевский Болеслав Станиславович

Бетховен

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б79

Б79 **Болеслав Станиславович П.**
Бетховен / Пшибышевский Болеслав Станиславович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
220 с.

ISBN 978-5-519-80042-6

ISBN 978-5-519-80042-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I

Бетховен родился в эпоху самого глубокого падения Германии. Из страны, которая еще в конце XVI в. в хозяйственном отношении превосходила Англию, Германия во второй половине XVII в. превратилась в самую отсталую страну Западной Европы и оставалась таковой вплоть до второй половины XIX в. Причину этого положения и общую характеристику Германии на протяжении XVIII в. и начала XIX в. в сжатом виде излагает Маркс следующим образом:

«Упадок мещанских торговых городов Германии, уничтожение рыцарского сословия, поражение крестьян и усиление, вследствие этого, владетельных прав князей; упадок немецкой индустрии и торговли, основывавшихся на чисто средневековом строе, как-раз в тот момент, когда открылся великий мировой рынок и возникла крупная мануфактура; обезлюдение страны и варварское состояние, завещанное 30-летней войной; характер вновь оживших национальных отраслей промышленности, как например мелкого льняного производства, которому соответствовали патриархальные отношения и условия; характер предметов вывоза, состоявших главным образом из продуктов земледелия, вследствие чего возрастали почти исключительно лишь материальные источники существования земельного дворянства и увеличивалось его относительное могущество в ущерб городскому населению; стесненное положение Германии на мировом рынке вообще, вследствие чего главным источником национальных доходов оказывались субсидии, выплачиваемые государям чужеземцами, и последовавшая отсюда зависимость горожан от государева двора и т. д. — все это обстоятельства, благодаря которым выработался характер немецкого общества...» (К. Маркс, «Морализирующая критика и критицизирующая мораль». К. Маркс и Ф. Энгельс, сочинения, т. V, стр. 213).

Германия до конца XVIII в., вернее, даже до половины XIX-го, была по преимуществу аграрной страной. Жители городов вплоть до конца XVIII в. составляли в среднем 20—28% всего населения. Еще в 1846 г. 86,1% всех льноткацких станков в стране принадлежало лицам, для которых ткачество было только подсобным промыслом, ткачам, занимавшимся прежде всего сельским хозяйством. Хлеб, шерсть, лес и вырабатываемый преимущественно в деревне холст — вот единственные предметы немецкого экспорта.

Да и самые города тогдашней Германии немногим отличались от деревень. Еще в 1800 г. в прусском королевстве было всего-навсего 1016 городов, в том числе около 700 с числом жителей ниже 3000. Население этих городов, являвшихся зачастую резиденциями мелких немецких князьков, состояло из придворных чинов, придворной челяди, войска, мелких торговцев и ремесленников, в большинстве случаев сохранивших связь с сельским хозяйством. Наемная рабочая сила в этих городских ремесленных мастерских не играла почти никакой роли, так например в Магдебурге (больше 10 000 жителей) в 100 мастерских работало лишь 17 рабочих, вернее, подмастерьев.

Вплоть до половины XIX в. мелкое ремесло составляло основу всего немецкого промышленного производства. Составленная в 1837 г. статистическая табличка выявляет все тот же карликовый характер этого производства:

	Масте- ров	Подма- стерьев	Подма- стерьев на 1000 масте- ров
В 10 больших городах	16 056	25 696	1 600
„ 30 средних городах	15 086	15 864	1 051
„ остальных городах	98 353	62 896	639
„ деревнях	153 170	44 707	291
В целом	282 665	149 163	527

В большинстве случаев эти ремесленные мастерские обслуживали потребности многочисленных германских княжеских дворов и армии или работали на заказ. О слабом развитии внутренней торговли свидетельствует тот факт, что еще в 1843 г. лица, занятые в торговом деле, составляли в Пруссии 97 на 10 000 жителей. Элементы натурального хозяйства играли огромную роль даже в городах. Выпечка хлеба, убой скота и даже изготовление утвари и одежды производились в домашних хозяйствах. Вот красочное описание жизни в городской бюргерской или чиновничьей семье:

«Веретено все еще было символом домашней хозяйки; носить белье собственной выпрядки считалось честью и гордостью; во всех кругах существовал добрый обычай, что девица не имеет, собственно говоря, права выходить замуж, пока она не может сшить себе приданое из полотна собственной выпрядки. Пряжа отдавалась работавшему для дома ткачу, он должен был приготовить полотно; белила его опять сама хозяйка. Но не одно только полотно: сукна и даже кожи имелись собственные, тщательно приготовленные и отборные запасы; шкафы были, надо полагать, битком набиты. Белье, платье, даже обувь изготавливались дома; портной, сапожник привлекались только в качестве технических помощников. Подобным же образом возникала мягкая мебель и постели. Перья от зарезанной дома птицы отбирались множеством специально для этой цели нанимаемых женщин; конский волос тщательно чистился, обойщик больше, чем какой бы то ни было другой мастер, должен был работать под наблюдением хозяйки, дабы набивка тюфяков и диванов

производилась как следует, из заранее отобранного материала и в желанном количестве» (В. Зомбарт, «Нар. хозяйство Германии», изд. «Моск. раб.», 1924, стр. 24).

Этому по существу средневековому укладу жизни отвечал и внешний облик городов. Еще в первой половине XIX в. многие города сохранили крепостные стены. Городские ворота закрывались на ночь, и задержавшиеся за пределами города зачастую были принуждены ночевать вне дома. Даже самые большие города тогдашней Германии, как например Берлин (200 000 жителей), немногим отличались от деревень.

«Наши улицы, — пишет один путешественник в 1798 г., — вымощены так неправильно и скверно, что каждому приезжему приходится жаловаться на боль в подошвах. Горы и доли сменяются часто на тротуарах, и в темные вечера прохожий рискует упасть и сломать себе ногу. Мостки через водостоки отвратительны, и даже в сердце Берлина имеются целые кварталы, в которых не горит ни одного фонаря. Поэтому кражи и нападения на улицах не составляют в вечернее время ничего необыкновенного. Ни на берлинской Шпрее, ни на постдамской Гавели мосты не ограждены надежными перилами. Недавно происшедший несчастный случай на замковом мосту снова доказал, насколько необходимо такое приспособление: один здешний купец в темный вечер свалился из Люстгартена прямо в Шпрее» (В. Зомбарт, «Нар. хозяйство Германии», стр. 14).

Не лучше обстояло дело и на непосредственной родине Бетховена, на Рейне. Когда-то цветущий и богатый торговый центр Кельн в итоге общего хозяйственного падения Германии в конце XVIII в. превратился в грязный и захудалый город. Таким и рисуют нам его современники:

«Если не считать промысла отправки голландских товаров в Германию и германских в Голландию, то остаются совершенно незначительные торговые операции, которые могли бы производиться полдюжиной маклеров и для которых достаточно было бы десятой части судов, проходящих в Кельн. Но и транзитная торговля незначительна. На улицах и рынках пустота, какую трудно найти в другом городе величиной с Кельн. Город потонул в грязи, улицы кишат монахами и нищими» (Кулишер, «Лекции по истории эк. быта Зап. Европы», ч. II).

Родной город Бетховена, Бонн, в конце XVIII в. не насчитывал больше 7000 жителей — придворной знати и челяди, мелких чиновников и ремесленников и полубюргеров-полукрестьян, занимавшихся виноградарством.

Капиталистическое производство находилось на первоначальной стадии своего развития и ограничивалось почти исключительно передачей работы на дом, эксплуатацией мелких городских ремесленников и деревенских кустарей торговцами и скупщиками. Этот способ производства был развит во всех отраслях промышленности тогдашней Германии, в производстве холодного

оружия в Саксонии, в вязальном, ткацком и кружевном промыслах в Силезии и Саксонии, в шелковой и бархатной промышленности в Прирейнской области и т. д. Мануфактурное производство развивалось весьма медленно несмотря на помощь государства, усиленно субсидировавшего капиталистические предприятия этого рода.

«Какой славой пользовалась немецкая промышленность еще в конце XVIII в., об этом можно судить по рассказам Кампе об его путешествии в Париж в 1789 г. Когда он подал одной маркизе обыкновенную лакированную табакерку, она спросила его: «Неужели это сделано в Германии?» Получив утвердительный ответ, она была сильно поражена этим и с удивлением несколько раз воскликнула: «И это делают в Германии», как если бы мы, увидев такую вещь в руках самоеда, заявили: «И такие вещи выделывают самоеды!» В другом случае, когда один почтенный парижанин, член многих академий, застал его в хорошем визитном костюме, он с удивлением произнес: «Неужели так одеваются в Германии?» И не хотел верить тому, что там «на севере» одеваются так же, как во Франции. Характерно и то, что при заявлении секретаря Национального собрания в Версале о поступивших вещах и бумагах, что получена книга о мореплавании, составленная немцем, все собрание разражается хохотом, усматривая в этом нечто невероятное» (Кулишер, «Лекции по истории экономического быта Зап. Европы», часть II).

Неограниченная государственная власть в этой нищей стране была в руках 300 владетельных князей и 1500 имперских графов. Если до тридцатилетней войны можно было еще говорить об едином немецком государстве и возглавляющей его императорской власти, то после этой войны, в особенности вследствие падения крупных городских национальных центров и подавления рыцарских восстаний, окончательно наступил распад Германии на мелкие и мельчайшие государства, управляемые мелкими и мельчайшими деспотами.

Вот как их характеризует Бидерман в своей книге «Германия в XVIII веке»:

«Германия кишмя кишит князьями, из которых три четверти еле обладают здравым человеческим рассудком и являются позором и бичом общества. Как бы ни мелки были их владения, все же они воображают, что человечество создано для них, для удовлетворения их фантазий и прихотей. Считая свое часто более чем двусмысленное происхождение верхом всяких заслуг, они полагали ниже своего достоинства образовывать свой ум и сердце. Когда их наблюдаешь, то начинаешь думать, что они существуют лишь затем, чтобы превращать людей в зверей, ибо действия их противоречат всему тому, что достойно человека как разумного существа».

Для того чтобы удовлетворить свои прихоти, а главное, чтобы не отставать от блеска своих кумиров — французских Людовиков, эти мелкие германские князьки, из которых некоторые владели

территорией в 2—3 кв. километра, не брезгали никакими средствами для увеличения своих доходов. Не удовлетворяясь бесчеловечной эксплуатацией своих крепостных крестьян, они не гнушались продавать их десятками тысяч как пушечное мясо для иностранных воюющих держав. Однако и этого не было достаточно для содержания любовниц, армии, двора и толпы придворных. Налоговый пресс должен был выжимать из населения нехватаящие средства. Вот образец методов взимания налогов, взятый из одного полицейского предписания 1776 г.:

«Кто на ночь не приготовит кадку с водой, платит 12 крейцеров штрафа, кто с трубкой во рту пройдет через улицу — 10 кр., кто не имеет коношенного фонаря — 12 кр., кто перелезет через забор — 20 кр., кто по воскресным дням пьет или шумит в трактире — 15 кр. (ибо каждый должен выпить свой стакан в молчании!), кто из молодых людей в воскресенье или праздник во время богослужения встретится вне города или в садах — 10 кр., кто не представит предписанного количества убитых воробьев — 6 кр. за каждую непредставленную единицу, а кто представит вместо воробья другую птицу — 12 кр., кто играет в карты в трактире — 40 кр., а кто разрешает игру у себя дома — 50 кр.; гражданин, называющий другого на ты — платит 8 кр.» И т. д. и т. д.

Уже из этого «предписания» видно, что эти карикатурные самодержцы, считавшие себя богами на земле и укрепляемые в этом мнении услужливыми попами всех вероисповеданий, вмешивались во все дела своих подданных, начиная с хозяйственной деятельности, кончая семейной жизнью. Недаром иронизирует тот же Бидерман:

«Наше княжеское управление является естественным опекуном всех подданных. Оно должно вести их по правильному пути, обучать их, хотя бы против их воли, как строить домашнее хозяйство, как вести земледелие, как экономничать, чтобы без особого ущерба уплачивать государству установленные налоги».

Этой цели обогащения государевой казны была подчинена и вся государственно-хозяйственная деятельность германских князей. Насаждаемая ими промышленность преследовала исключительно чисто фискальные соображения и лишь в совершенно ничтожной степени способствовала развитию капитализма, который прежде всего нуждался в раскрепощении от мелочной государственной регламентации, в уничтожении крепостничества в деревне и наконец в упразднении сотен таможенных преград между отдельными княжествами, в объединении Германии для развития внутреннего рынка. Немецкий абсолютизм был политическим выражением самого реакционного хозяйственного строя и всю свою энергию направлял на удержание и закрепление крепостничества и политической раздробленности Германии.

Один только класс пользовался всеми правами и привилегиями в этом государственном строе — дворянство. Оно было освобо-

ждено от налогов и занимало командные посты в государственном аппарате и армии. Глубоко невежественное, обезьяничившее нравы своих французских собратьев, оно ничего не делало для поднятия техники сельскохозяйственного производства, вело самое хищническое хозяйство по отношению к земле и к трудящимся массам и таким образом с каждым годом усугубляло жуткую нищету страны, прежде всего крестьянства.

В итоге разгрома крестьянских восстаний в XVI в. почти все немецкое крестьянство было заковано в цепи крепостничества. Хотя в западной части юридически крепостничество не существовало, тем не менее на деле положение крестьян и здесь не отличалось существенно от положения крепостных в восточной и северной Германии. Десятки тысяч семей были вовсе лишены земли и превращены в рабочий скот в огромных латифундиях немецких графов и князей. Так например, в герцогстве Мекленбург из 12¹/₂ тысяч крестьянских дворов в конце XVII в., в 1848 г. сохранилось всего 1213. Крестьяне рассматривались как принадлежность данного поместья, как вещь. Их проигрывали в карты, выменивали на собак, продавали с публичного торга.

Ужасающую картину нищеты и угнетения крестьянских масс рисуют нам много современных немецких мыслителей и историков. Еще в половине XVIII в. применялись к крестьянам средневековые пытки, не говоря уже о телесных наказаниях, которые прямо рекомендовались как самое лучшее средство воздействия в интересах самого крестьянства:

«Денежные штрафы лишают крестьянина части его достоинства, тюрьма же заставляет его забрасывать свое хозяйство, так что и в том и в другом случае он становится беднее. Поэтому следует для воспитания добродетели ввести палочные удары, на которые крестьянин будет чувствительнее реагировать и станет более покорным. Для того, однако, чтобы телесные наказания не отразились вредно на здоровья, не следует присуждать крестьян больше чем к 40 ударам».

Вот рецепт, предлагаемый вниманию помещиков одним из их вожakov. Вся внутренняя государственная политика направлялась к тому, чтобы крестьянские массы удерживать в темноте и слепом послушании. Министр «просвещенного» монарха Фридриха II отклонил проект развития народного просвещения, мотивируя это отклонение следующими словами:

«Нельзя слишком далеко доводить метафизическое (!) воспитание мужика. Если бы мужик понял суть всех вещей, он, пожалуй, отнесся бы критически ко многим предписаниям. Простому человеку надо внушать послушание — и только!»

Воспитанием масс в этом духе прежде всего занимались попы. Вот что читаем мы в изданном в 1775 г. катехизисе для школ:

«Бог хочет, чтобы я слушался начальства и платил налоги, которые на меня возлагаются. Я грешу против бога, если этого не делаю, ибо

начальство не так себе возникло, а поставлено богом. Если я думаю, что со мной поступили несправедливо, то имею право сделать соответствующее заявление и ходатайствовать о справедливом решении и облегчении моей участи, но я должен подчиниться тому, что говорит начальство. Вот истинное христианское учение и единственное просвещение относительно прав, необходимых народу».

Систематически отупляемое, темное, забитое крестьянство не в состоянии было подняться на борьбу против своих угнетателей. тем более, что оно не имело ни союзника ни вождя в городах. Только что зарождающийся рабочий класс, не менее угнетаемый и эксплуатируемый, чем крестьянство, не мог еще играть самостоятельной, а тем более ведущей роли, и, состоя в своей массе из ремесленных подмастерьев, в идеологическом отношении был полон средневековых узко-цеховых предрассудков. Что же касается городской мелкой буржуазии, в хозяйственном отношении целиком и полностью зависимой от дворян, попов и князей, то она в своей массе и подавно не помышляла о борьбе с существующим строем. Ни высокомерное отношение к ней, ни даже неприкрытое презрение не смущало ее; подобострастно пресмыкалась она перед своими угнетателями. Беспощадно суровый в своей семейной жизни, полный средневековых предрассудков, немецкий филистер с умилением взирал на разврат своего государя и считал честью для себя, когда сиятельный развратник снисходил до его дочери. «Ваши высочайшие свиньи пожрали мою верноподданническую картошку» — вот в каких тонах подавал жалобу немецкий филистер на имя своего владетельного князя.

Консервативный способ производства налагал свой отпечаток на весь уклад жизни немецкой мелкой буржуазии. Она не знает больших страстей, не знает высоких идеалов, далека от героизма и подвигов. Идеалы немецкого бюргера зло высмеял поэт Новалис (ровесник Бетховена) в следующем фрагменте:

«В воскресенье работы нет, едят они тогда немного лучше, чем в будни; и это воскресное счастье кончается более глубоким сном, чем обыкновенно; поэтому в понедельник все движется скорее... Их удовольствия должны быть обыкновенно модными, но и модные удовольствия они переделывают по-своему, как и все. Высшей ступени своего поэтического существования филистер достигает на какой-нибудь свадьбе, в путешествии, на крестинах и в церкви. Их так называемая религия действует лишь как опий, то возбуждая, то притупляя, успокаивая боли. Их утренние и вечерние молитвы нужны им как завтрак и ужин. От этого они не могут отстать. Обыкновенный филистер радости в небе представляет себе в виде ярмарки, путешествия или бала, утонченный филистер представляет себе небо в виде великолепной церкви с красивой музыкой, с большим блеском, со стульями для простого народа и ложами для благородных посетителей».

Не многим отличалось от рядового бюргера и огромное большинство тогдашней немецкой мелкобуржуазной интеллигенции —

ученых, чиновников, врачей, адвокатов, пасторов и пр. Высочайшим идеологическим достижением для них была философия Вольфа (1679—1754), плоского вульгаризатора французского рационализма, и немецкого философа Лейбница, — гениального мыслителя и ученого второй половины XVII в. Нельзя отказать Вольфу в целом ряде заслуг в области систематизации наук и создании немецкого философского языка, но вместе с тем нельзя без улыбки читать его трактаты, в которых он излагает философию здравого рассудка, приводившую в восторг немецкого филистера вплоть до конца XVIII в. О характере этой философии говорят следующие выдержки:

«В человеке бог осуществил главную свою цель, которой он руководился при создании мира, а именно быть познанным и чтимым... Солнце существует для того, чтобы при дневном свете мы могли удобно совершать нашу работу, которую вечером или совсем невозможно делать, или по крайней мере не столь удобно и с некоторыми издержками... Звезды представляют то удобство, что ночью хоть что-нибудь можно видеть на улице... Смена дня и ночи приносит ту пользу, что люди и животные ночью могут подкрепиться сном, кроме того ночь служит и для проведения некоторых дел, которые днем трудно производить, как например ловля птиц и рыб... Земля существует для того, что существование солнца было не бесполезным».

Для довершения картины тогдашнего состояния Германии необходимо отметить, что этому философу, как опасному революционеру, прусский король Фридрих Вильгельм I под угрозой казни велел покинуть Пруссию в 48 часов.

Однако уже в первой половине XVIII в. от общей массы немецкой мелкой буржуазии отслаивается передовая группа интеллигенции, которая более не удовлетворяется плоско-филистерской философией «здравого рассудка» и все более и более начинает осознавать отсталость своей страны и ужас давящего ее крепостнического гнета. Большинство из этих передовых людей испытало его на собственном горьком опыте, ибо, происходя из мелких чиновников или ремесленников, они должны были пройти унижительный стаж работы в канцеляриях под руководством тупоумных княжеских бюрократов или в качестве гувернеров в помещичьих домах, где их положение не отличалось от лакейского. Не случайно эти передовые группы и одиночки возникали и действовали в тех немногочисленных местах, где еще сохранились торговые центры или зарождались новые капиталистические предприятия, как например Кенигсберг, Гамбург, Франкфурт, саксонские города, прежде всего Лейпциг, и наконец на Рейне. Не находя у себя на родине никакой подходящей идеологической пищи, эта интеллигенция жадно улавливала и воспринимала все, что творилось на Западе, в Англии и Франции.

В этих странах XVII и XVIII века были веками пышного расцвета философии, искусства и литературы.

Идеологическая работа французской и английской буржуазии произвела переворот решительно во всех областях человеческой мысли. Отправляясь от Декарта, первого великого философа XVII в., провозгласившего верховный авторитет человеческого разума, английские и французские философы (Гоббс, Юм, Локк, Вольтер, Дидро, Руссо и др.) своей смелой критикой разрушали идеологические устои старого феодального общества. Они разрушили легенду о божественном происхождении монархии и разработали принципы буржуазного государственного строя. Они повели беспощадную борьбу против религиозного дурмана и всякой поповщины, и если не все возвысились до полного отрицания бога, то все же своей систематической борьбой, хлесткой сатирой и критическими разборами религиозных идей в корне подорвали авторитет церкви. Они разбили реакционную теорию врожденных идей и установили первенство опыта как родоначальника идей. Французские мыслители конца XVIII в. довели эту мысль до конца, разрушив легенду о нематериальной сущности человеческой души и стали на путь последовательного материализма.

Но создавался не только новый мир идей, вместе с ним возникал и новый мир чувств. В противовес гниющему, полному лжи и условностей старому строю английские и французские мыслители, особенно Руссо, проповедывали культ природы и с умилением и восторженностью описывали и любовались ее первобытной и неиспорченной красотой. Холодной развращенности аристократии противопоставлялось искреннее, глубокое и чистое чувство любви, а сословному неравенству людей — страстная дружба равных и свободных личностей. В чувствительных романах (Ричардсон, Гольдсмит и др.) воспевался идеал мещанской добродетельной семьи и простой незатейливый деревенский быт на лоне природы. Проповедывалось и новое восприятие религии — познание бога не посредством холодного разума, а путем восторженного чувства. Чувство и чувствительность — вот чем переполнены английское и французское буржуазное искусство и литература того времени. Венцом всей этой идеологической работы был идеал нового человечества, свободного от гнета и всяких оков, вернувшегося на лоно природы и состоящего из равных, свободных, братской любовью друг с другом связанных личностей.

Ясно, что эти общечеловеческие идеалы на деле были идеалами одного лишь класса — буржуазии. Идея свободы на деле означала свободу развития капитализма, идея равенства — равенство товаровладельцев. Вся идеология в целом отражала лишь классовые интересы молодой, идущей к власти буржуазии, выковывалось и укреплялось ее классовое самосознание и ее воля к победе. Общечеловеческий характер этой идеологии был обусловлен развитием классовой борьбы.

«Всякий новый класс, — читаем мы у Маркса и Энгельса, — и в особенности тот, который становится на место господствовавшего до него класса, вынужден, для достижения своих целей, представить свои интересы в виде общего интереса всех членов общества, т. е., выражая это на

языке идеализма, вынужден придать своим мыслям форму всеобщности, представить их как единственно разумные, общезначимые. Революционный класс—уже по одному тому, что он противостоит некоторому классу—выступает не как класс, а как представитель всего общества; он является, как вся масса общества, в противоположность единственному господствующему классу. Это возможно для него, ибо первоначально его интересы действительно еще сильно связаны с общими интересами прочих не господствующих классов, не сумевшими под давлением обстановки прошлого развиться в виде особенных интересов особого класса».¹

Английская и французская литература и философия имели огромное влияние на передовую интеллигенцию Германии XVIII в. Каждая революционная идея, идущая с Запада, как уже было сказано, жадно подхватывается, усваивается и перерабатывается на немецкой почве. На этом английско-французском идеологическом материале и выросла вся богатая так называемая классическая немецкая литература и философия. Но то, что в Англии и Франции выросло в органической связи с развитием производительных сил и растущей классовой борьбой, попадая на отсталую немецкую почву, естественно должно было подвергнуться полному изменению и искажению. Общечеловеческие идеи философов и поэтов в кипучей хозяйственной и общественной жизни Англии и Франции неизбежно превращались в конкретные средства преобразования хозяйства и политического строя, а в омертвелой, отупелой, темной и забитой Германии они превращались в абстрактные, отвлеченные схемы.

«Подобно тому,— пишет молодой Маркс в «Критике Гегелевской философии права»,— как древние народы переживали свою доисторическую эпоху в воображении, в мифологии, так мы, немцы, переживаем нашу будущую историю в мыслях, в философии. Мы—философские современники действительности, не будучи ее историческими современниками. Немецкая философия—идеальное продолжение немецкой истории» (К. Маркс и Ф. Энгельс, сочинения, т. I, стр. 518).

Будучи в Англии и Франции средством революционного преодоления и изменения действительности, в Германии они для большинства передовых людей стали прежде всего средством для бегства от этой действительности.

Из богатой идеологической сокровищницы Запада передовые люди Германии жаднее всего перехватывали вновь открытый мир чувств. Задыхаясь в затхлой отечественной атмосфере и не находя никакого применения своей энергии в общественной жизни, они под влиянием чувствительных романов Ричардсона и Руссо целиком уходили в себя, в собственные переживания и тонули в море слез и восторга, проливаемых на лоне природы или в объятиях нежного друга.

¹ «Маркс и Энгельс о Фейербахе». Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1-я, стр. 231—232.